

Центр "Петербургское Востоковедение"
St. Petersburg Centre for Oriental Studies

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**ST. PETERSBURG JOURNAL
OF ORIENTAL STUDIES**

**выпуск 8
volume 8**

**Центр
«Петербургское Востоковедение»**

**Санкт-Петербург
1996**

Н. А. Невский

На стеклах вечности...

НИКОЛАЙ НЕВСКИЙ

**Переводы,
исследования,
материалы к биографии**

вод. Вместе с г-ном Ино отправился посмотреть праздник в честь Осира. Было очень интересно: я впервые увидел, как ведет себя *итико*.

1-го сентября появилась супруга г-на Сасаки и сообщила, что пришла специально пригласить меня к ним в гости, поскольку ее муж вечером вернулся. По ее настоянию мы вместе отправились в Цутибути, где я провел два дня в беседах с Сасаки. Наконец 3-го числа восьмичасовым поездом я отправился в Ханамаки, откуда купил билет до Хиромаэ. В тот вечер в Хиромаэ я наблюдал танец *бон-одори* (это был 20-й день праздника *бон*).

4-го числа я прибыл в Хакодате, где провел еще две ночи. Утром 7-го числа я наконец вернулся домой в Отару.

Письмо мое получилось чересчур длинным. Приношу извинения за неуклюжий стиль и многочисленные ошибки.

Искренне Ваш

Н. Невский
21 сентября 1920 г.

Н. А. Невский как этнограф К столетию со дня рождения ученого

А. М. Решетов

В истории отечественного востоковедения первой половины XX в. почетное место занимает Николай Александрович Невский (18 февраля 1892 — 24 ноября 1937 г.). Прожил он всего 45 лет и почти 9 месяцев, но в его лице мировая наука имеет выдающегося японоведа, китаеоведа, тангутоведа, лингвиста, фольклориста, этнографа... После его гибели прошло уже 55 лет — на 10 лет больше времени его жизни, но его имя по-прежнему произносится с благоговением, а значение его работ только возрастает.

О Н. А. Невском-ученом написано немало¹. Поэтому свою цель мы видим в одном: сфокусировать внимание на нем как на этнографе.

Н. А. Невский стал студентом восточного факультета по китайско-японскому отделению в сентябре 1910 г. Преподавали там тогда такие выдающиеся ученые, как В. М. Алексеев, В. В. Бартольд, Н. И. Веселовский, А. И. Иванов, В. Л. Котвич, Л. В. Щерба и другие. Японский язык преподавал также Куруно Ёсибуми. Обычно принято считать, что решающая роль в воспитании Н. А. Невского как ученого в студенческие и последующие годы принадлежит В. М. Алексееву. Ни в коей мере не только не отрицая, но и не умаляя влияния ученого такого масштаба, как В. М. Алексеев, на становление Н. А. Невского как ученого, хотелось бы обратить внимание на тот факт, что Николай

¹ Подробнее о Н. А. Невском см.: Кычанов Е. И. Звучат лишь письмена. М., 1965; Милибанд С. Д. Библиографический словарь советских востоковедов. М., 1975, с. 380 — 381; Громковская Л. Л., Кычанов Е. И. Николай Александрович Невский. М., 1978.

Александрович учился на китайско-японском отделении. И если по китаеведению руководителем работы студента Невского действительно был В. М. Алексеев, то руководителем по японоведению был А. И. Иванов. Хранящиеся в личном деле студента СПб университета Николая Невского материалы свидетельствуют, что китайским языком он занимался у А. И. Иванова, П. С. Попова, Цюань Ши-эня и В. М. Алексеева, японским — у А. И. Иванова и Куроно. При этом следует иметь в виду, что Н. А. Невский специализировался прежде всего как японист¹.

К сожалению, архив самого А. И. Иванова не сохранился: ученый был репрессирован в 1937 г. О роли проф. А. И. Иванова можно судить на основании архивных материалов, хранящихся в делах Петербургско-Петроградского Университета и других учреждений.

27 ноября 1914 г. декан Восточного факультета СПб университета Н. Я. Марр обратился к ректору университета со следующим ходатайством: «Факультет восточных языков на основании постановления в заседании 5 сентября с. г. имеет честь просить Ваше Превосходительство возбудить ходатайство об оставлении при Университете по кафедре японской словесности окончившего курс Николая Невского на 1 год с 1 сентября с. г. без назначения ему стипендии.

При сем прилагается отзыв проф. А. И. Иванова о занятиях и успехах Невского»².

К сожалению, в архивном деле не сохранился отзыв проф. А. И. Иванова, но для нас важен сам факт представления Н. А. Невского для приготовления его к профессорской и преподавательской деятельности именно со стороны А. И. Иванова. В дальнейшем А. И. Иванов был инициатором отправки Н. А. Невского в Японию на стажировку: 17 февраля 1915 г. По представлению А. И. Иванова декан факультета просит ректора возбудить перед попечителем Петроградского учебного округа МНП ходатайство о отсылке Н. А. Невского в Японию сроком на 1 год с 1 марта 1915 г. с назначением ему для выполнения сей командировки 3000 рублей из сумм Министерства³. Учитывая успешное окончание университета (испытательная комиссия при СПб университете 20 мая 1914 г. решила выдать ему диплом I степени) и ходатайство факультета о отсылке в Японию, попечитель благоприятно рассмотрел этот вопрос: поездка была разрешена⁴.

Н. А. Невский успешно работает в Японии⁵ и встает вопрос о продлении срока его пребывания в Токио еще на десять месяцев, по 1 января 1917 г. Но для решения этого вопроса необходим отчет Н. А. Невского о его работе в стране за 1915 г. 1 декабря 1915 г. декан факультета Н. Я. Марр обращается к ректору Университета со следующим письмом: «Факультет восточных языков имеет честь препроводить при сем Вашему Превосходительству отчет о

¹ Наиболее полно эта точка зрения находит свое отражение в вышеуказанной книге Л. Л. Громковской и Е. И. Кычанова. См. также: Громковская Л. Л. Страницы биографии ученого: (к 90-летию со дня рождения Н. А. Невского) // Проблемы Дальнего Востока. 1982. № 1. С. 143—146; ЦГИА, Петербург. Ф. 14. Оп. 3. Ед. хр. 57397. Л. 13.

² ЦГИА, Петербург. Ф. 14, оп. 1, ед. хр. 11015, л. 1.

³ Там же. Л. 2.

⁴ Там же. Л. 3—7.

⁵ О работе Н. А. Невского в Токио в период стажировки подробнее см.: Громковская Л. Л., Кычанов Е. И. Указ. соч. С. 40—59.

занятиях оставленного при Университете и командированного в Японию Н. А. Невского, составленный на основании его писем проф. А. И. Ивановым; собственноручно написанный отчет Невского, запоздавший по дальности расстояния, будет препровожден немедленно, как только будет получен»¹. 3 марта 1916 г. полученный отчет Н. А. Невского и признанный удовлетворительным проф. А. И. Ивановым препровожден по инстанциям, и попечитель сообщил о своем согласии продлить Н. А. Невскому срок командировки до 1 января 1917 г.² В декабре 1916 г. в Университет поступает «Отчет о занятиях в Японии за период с 1 декабря 1915 г. по 1 декабря 1916 г.», написанный Н. А. Невским собственноручно и с визой: «Отчет признан удовлетворительным. А. Иванов, 12 декабря 1916 г.»³, и на его основании факультет 20 января 1917 г. возбуждает вопрос о продлении срока пребывания Н. А. Невского еще на один год, с 1 января 1917 г. 9 марта 1917 г. управляющий Петроградским учебным округом сообщает о своем решении продлить срок пребывания Н. А. Невского до 1 января 1918 г.⁴

Мы привели эти архивные свидетельства только с одной целью: показать, что руководство стажировкой Н. А. Невского в Токио со стороны Петроградского университета осуществлялось проф. А. И. Ивановым. Между учителем и учеником-стажером поддерживалась столь регулярная и подробная деловая переписка, что А. И. Иванов смог на основании писем составить вполне добротный отчет о работе Н. А. Невского в Японии в первый год его пребывания там, принятый и Университетом, и попечителем Петроградского учебного округа. Очевидно, что отношения между А. И. Ивановым и Н. А. Невским были настолько добрыми, что руководитель сам составил отчет, дабы способствовать своевременному и положительному решению вопроса о продлении срока пребывания Н. А. Невского в Токио. Все это дает нам право сделать вывод, что ведущим учителем Н. А. Невского в студенческие и стажерские годы был именно проф. А. И. Иванов.

Можно также утверждать, что А. И. Иванов оказывал и решающее влияние на формирование этнографических интересов у своих учеников. В литературе хорошо показана роль Л. Я. Штернберга в этнографическом образовании Н. А. Невского⁵, но почему и как попал он в Музей антропологии и этнографии, где работал Л. Я. Штернберг? Ответ напрашивается сам собой, если вспомнить, что А. И. Иванов, сам видный этнограф, автор ряда работ по этнографии китайцев, собиратель китайских и японских этнографических коллекций, с 1908 г. возглавлял отдел культурных стран Азии в МАЭ⁶. Как известно, в 1906 г. образовался этнографический кружок преподавателей гимназий и школ для рабочих, которым руководил Л. Я. Штернберг⁷. Здесь можно было получить систематизированные знания по этнографии, и вполне

¹ ЦГИА. Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. 11015. Л. 18.

² Там же. Л. 22, 26.

³ Там же. Л. 33—42.

⁴ Там же. Л. 29, 31. В дальнейшем факультет в очередной раз ходатайствует о продлении Н. А. Невскому срока пребывания в Токио до 1 января 1919 г.

⁵ Громковская Л. Л., Кычанов Е. И. Указ. соч. С. 30—36.

⁶ Решетов А. М. История формирования коллекций и изучения народов зарубежной Азии в МАЭ // Сборник МАЭ. Т. 25: Собрания Музея антропологии и этнографии АН СССР. Л., 1980. С. 102.

⁷ О Л. Я. Штернберге подробнее см.: Гаген-Торн Н. И. Лев Яковлевич Штернберг. М., 1975.

естественно, что А. И. Иванов, у которого были хорошие отношения с Л. Я. Штернбергом — последний пригласил именно его возглавить отдел, предпочтя его всем другим синологам, — посоветовал Н. А. Невскому, как и другим своим студентам, посещать занятия кружка. С тех пор монография английского этнографа Дж. Дж. Фрэзера «Золотая ветвь», на которую часто ссылался Лев Яковлевич, стала настольной книгой Невского. «Нас многому научил Лев Яковлевич», — вспоминал позднее товарищ Невского Н. И. Конрад¹. И всю дальнейшую жизнь Н. А. Невский поддерживал связь со своими этнографическими учителями А. И. Ивановым и Л. Я. Штернбергом. Дабы закончить сюжет о роли А. И. Иванова в подготовке Н. А. Невского как ученого широкого профиля, приведем еще одно важное свидетельство. Летом 1925 г. Н. А. Невский приезжал в Пекин и многократно встречался со своим университетским наставником. А. И. Иванов щедро поделился со своим теперь уже младшим коллегой и знаниями, и материалами по тангутоведению². Позднее Н. А. писал об этом: «Прошлым летом я посетил проф. А. И. Иванова, моего прежнего учителя в Петербургском университете, ныне драгомана советского посольства в Пекине. Наш разговор касался языка тангутов, которым я интересовался, и профессор показал мне несколько книг и документов, написанных на этом языке... С разрешения проф. А. И. Иванова я скопировал эти тексты... Этот словарь, также данный мне моим проф. А. И. Ивановым (подчеркнуто мною. — А. Р.), был составлен в 1132 г...»³

На заключительном этапе жизни пути учителя и ученика вновь пересеклись. 25 июля 1937 г. А. И. Иванов был арестован органами НКВД в Москве по обвинению в шпионаже в пользу Японии. Ему также вменялось в вину, что он воспитывал своих студентов Н. А. Невского, Ореста В. Плетнера, Мартина Рамминга в японофильском духе. Хотя тогда Н. А. Невский был еще на свободе, но против него уже собирался материал на Лубянке. Потом ему также предъявят обвинения в японском шпионаже, равно как и его жене. Н. А. был арестован 4 октября 1937 г. в Ленинграде, а через четыре дня, 8 октября была арестована и его жена Мантани Исо. В Москве в этот день был расстрелян А. И. Иванов⁴.

Этнографический научно-исследовательский интерес (а не только познавательный!) проявился у Н. А. очень рано. Уже в отчете о его занятиях в Японии в 1916 г. можно прочесть его рассуждения об анимизме, пронизывающем всю японскую мифологию. «Отчасти соприкасающимся с анимизмом является манизм, или культ предков, развившийся некоторыми своими чертами в процветающий до сих пор культ героев. Из анимизма же вытекает и японское шаманство, на которое обращалось до сих пор весьма малое внимание, тогда как оно в древности, видимо, занимало одно из первых мест в

¹ Громковская Л. Л., Кычанов Е. И. Указ. соч. С. 33.

² Подробнее: Там же. С. 158—159.

³ Невский Н. А. Тангутская филология. Кн. 1. М., 1960. С. 163—164.

⁴ Письмо Военной коллегии Верховного Суда СССР от 6 июля 1990 г. и Центрального архива КГБ СССР от 22 августа 1990 г. автору данной статьи. Пользуясь случаем, благодарю дочь Н. А. Невского — Елену Николаевну Невскую за предоставленные в мое распоряжение сведения из следственного дела Н. А. Невского, хранящегося в архиве Управления КГБ по Ленинградской области, с которым она лично могла ознакомиться и сделать необходимые выписки. Только знакомство с делом дало возможность установить точную дату кончины Н. А. Невского и его жены. Они оба были расстреляны 24 ноября 1937 г. Для сравнения см.: Милибанд С. Д. Указ. соч. С. 380.

верованиях народа»¹. И он верно понимал, что «единственный путь для исследования первичных верований Японии — это прибегнуть к сравнительной этнографии и национальному фольклору, под которые подходят прежде всего ныне существующие сказания и предания разных провинций, народные обычаи, суеверия, гадания и чародейства, народные храмовые празднества и обряды, народные танцы, детские игры и пр.» Н. А. Невского интересовали самые различные вопросы живой японской этнографии, и совершенно естественно, что он стремился установить тесные научные контакты с японскими этнографами и фольклористами как для обсуждения волновавших его проблем, так и для совместных полевых исследований. Зафиксировано, например, что в августе 1917 г. он вместе с Янагита Кунио и другими этнографами выезжал в префектуры Гумма, Иватэ и др. для изучения народной деревянной архитектуры и связанных с нею представлений и верований. Каждая такая поездка существенно обогащала его знаниями реалий японского быта. Очевидно, в те годы Н. А. особо интересовали проблемы верований. Его этнографические интересы поддерживали все, кто с ним переписывался. В. М. Алексеев, в частности, выражая сожаление, что Н. А. не избрал изучение Китая своей специальностью («Как жаль, что Вы не китаист и не можете воспользоваться трудами моей жизни»), тут же советовал ему: «Кстати, о своих работах спишитесь с Борисом Леонидовичем Богаевским, профессором Пермского университета, упомянув меня и прося выслать Вам его работы по земледельческой религии Афин и проч., библиографически, во всяком случае, великолепно оборудованные... Вы оба увлекаетесь одним и тем же, а это редко и приятно»². О своих увлечениях в эти годы сам Н. А. писал в начале 1920 г. в письме знатоку японской поэзии и этнографии Ямагути Моити: «Почти с самого своего приезда в Японию занимался и занимаюсь изучением японского фольклора и всевозможных обычаев (и суеверий), главным образом религиозных или связанных с историей семьи... Если собрали какие-нибудь данные относительно суеверий и обычаев, пожалуйста, поделитесь со мной, буду весьма и весьма обязан. Я лично сейчас собираю материалы по исследованию одного в высшей степени интересного бога — Осирасама, представляющего специфическую черту народных верований Северной Японии (префектур Мияги, Фукусима, Ямагата, Иватэ, Акита и Аомори). К июлю этого года собираюсь привести материалы в порядок и издать их на японском языке»³. Чтобы собрать больше локального этнографического материала о культе бога Осирасама, Н. А. разослал множество писем знакомым и незнакомым лицам. «С целью изучения этнографии Японии я собираю материал относительно специфического божества Тохоку (северо-восток Японии. — А. Р.) — бога Осирасама. Прошу Вас помочь мне. В префектуре Иватэ,

¹ ЦГИА. Ф. 1. Оп. 1. Ед. хр. 11015. Л. 39. Избрав верования как объект изучения, Н. А. Невский выработал собственную программу, согласно которой упор первоначально должен быть сделан на живой фольклорный и этнографический материал. «Единственный путь для исследования первичных верований Японии — это прибегнуть к сравнительной этнографии и национальному фольклору, под которые подходят прежде всего ныне существующие сказания и предания разных провинций, народные обычаи, суеверия, гадания и чародейства, народные храмовые празднества и обряды, народные танцы, детские игры и пр.» (Громковская Л. Л., Кычанов Е. И. Указ. соч. С. 47).

² Письмо В. М. Алексеева Н. А. Невскому от 2 ноября 1917 г. См.: Алексеев В. М. Наука о Востоке. М., 1982. С. 88.

³ Цит. по: Громковская Л. Л., Кычанов Е. И. Указ. соч. С. 69 — 70.

Аомори имеется божество, парное, мужчина и женщина, из двух веток тутового дерева с вырезанной головой. От головы, а иногда и сверху во множестве свисают цветные лоскутки. Называется божество Осирасама. У всех итак (шаманок. — А. Р.) он есть. Есть и в старых крестьянских домах. В префектуре Ямагата это божество называется Окунаисама. В Ваших краях тоже есть это божество, называемое Окумэнайсама.

По возможности, если у Вас будет минутка, не могли бы Вы рассказать мне все, что знаете об этом»¹.

Н. А. Невский на основе собранного материала пытается сделать выводы о генезисе этого культа, его возможном тождестве с айнскими божествами, основательно обсуждает волновавшие его проблемы с японскими коллегами. Он внимательнейшим образом следит за новинками японской этнографической литературы, знакомится почти со всеми, кто в какой-то мере занимался этнографией. Если учесть, что в те годы этнография Японии еще переживала этап своего становления как наука, то можно без преувеличения утверждать, что Н. А. был активным участником этого процесса.

Самым внимательным образом Н. А. следил за новинками этнографической литературы, особенно журналами. Он полностью перевел для себя доклад Янагита Кунио «Мысли по поводу синто», который он прочитал в обществе «Тэйюринрикай». Особый интерес у него вызвала работа Кавамура Ёдзю «Исследование японского шаманства». Конспекты он классифицировал, записывая содержание понравившихся статей в разных тетрадях, имевших тематические названия: «Материалы для истории шаманства в Японии», «О религиозных обрядах и культовых игрушках» и т. д. Он не только конспектировал работы, но и попутно записывал свои соображения, свое видение проблемы. Эти записки в дальнейшем он использовал при написании своих работ.

Внимание Н. А. привлекли айны, изучение которых тогда только начиналось. «Айны — в туземном произношении айну, т. е. "человек"», — записывает Н. А. Особое внимание он уделял сбору фольклорного материала, совершенно справедливо рассматривая его как энциклопедию айнской жизни. «Айны чтят свою старину и своих предков не меньше, чем японцы, и за отсутствием письменности любят в зимние вечера, когда нет полевых и рыболовных работ, проводить время у очага в беседах и воспоминаниях о былом, рассказывать молодежи сказки, сообщать предания о происхождении того или иного обычая и петь сказания про богов или героев. Увлечшись рассказом, и рассказчик и слушатели забывают время; часто такая беседа длится всю ночь напролет, пока наступающее утро не склонит головы утомившегося сказителя и его слушателей.

Эти беседы у очага играют для подрастающего поколения роль школы, где оно черпает все основные знания, необходимые для полноправного члена коллектива»². Каждый, кто знакомился с книгой Н. А. «Айнский фольклор», знает, какое громадное количество собственно этнографического материала заключено в ней. В современном айноведении эта работа занимает и, можно смело утверждать, будет занимать почетное место, к ней неизменно будут обращаться как к непреходящей ценности первоисточнику.

Невский прекрасно знал японскую этнографию, причем знал ее не только по книгам, но и практически. Чтобы глубже понять японское традиционное

¹ Громковская Л. Л., Кычанов Е. И. Указ. соч. С. 73.

² Невский Н. А. Айнский фольклор. М., 1972. С. 9, 11.

искусство, он брал уроки у музыкантов, художников, артистов. Овладеть спецификой японского быта ему помогала его жена Мантани Исо, с которой он сотрудничал с 1922 г., а 12 июня 1929 г. их брак был официально зарегистрирован. Он умело носил японскую одежду, прекрасно овладел тонкостями японского этикета. Н. А. Невский был несравненным знатоком японского языка. Вернувшись на родину, он совместно с Е. М. Колпакчи издал два учебника японского языка. «В лице Н. А. Невского мы имеем <...> первого в СССР знатока японского языка и его диалектов», — писал акад. В. М. Алексеев в 1934 г.¹ В те годы в Институте востоковедения велась большая работа по составлению словарей, в том числе китайско-русского, японо-русского и других. «Только он мог взять на себя <...> ответственную редактуру японо-русского печатаемого ныне словаря»². К сожалению, в истории отечественного японоведения остается неоцененным вклад Н. А. Невского в создание этого большого японо-русского словаря, работа над которым в 30-е годы велась в Институте востоковедения АН СССР в Ленинграде и в которой деятельное участие вплоть до своего ареста 4 октября 1937 г. он принимал³. Создается впечатление, что Н. И. Конрад, позднее много сделавший для издания и популяризации научного наследия Н. А. Невского-тангутоведа, в результате чего в 1962 г. Н. А. была присуждена Ленинская премия, не склонен был говорить о заслугах Невского-японоведа⁴.

Исключительно важное значение для изучения японской этнографии имеют работы Н. А. о фольклоре островов Мияко и Рюкю. Исследователь побывал на Мияко трижды: в 1922, 1926 и 1928 гг. Отдаленное и фактически изолированное положение островов, нерегулярные связи с соседями сделали население этого района своеобразным изолятом. В языке, верованиях, обычаях жителей островов Мияко сохранилось много архаических черт и традиций. Несколько работ по этнографии и фольклору населения архипелагов Мияко и Рюкю на японском языке Н. А. опубликовал уже в 1926—1927 гг. На родине монография о фольклоре и обычаях жителей островов Мияко появилась много позднее, благодаря большой подготовительной работе, проделанной Л. Л. Громковской⁵. Книга исключительно богата оригинальным этнографическим материалом. Особое внимание он уделял сбору сведений о семейно-брачных отношениях, которые и сегодня сохраняют свое значение для японской и общей этнографии. Очень жаль, что эта работа не имеет широкого этнографического читателя и материал ее недостаточно используется при исследовании проблем эволюции семьи и брака. В селении Бура на главном острове архипелага он зафиксировал, в частности, обычай свободного брака. Когда наступает время женитьбы сына, его родители по своему выбо-

¹ Алексеев В. М. Указ. соч.. С. 87.

² Там же.

³ «Большой японо-русский словарь» в 2 томах был издан в Москве в 1970 г. Ответственным редактором значился Н. И. Конрад. В материалах словаря даже не упомянуто об участии Н. А. Невского в создании этой работы. По отзывам людей, беседовавших с Н. И. Конрадом, на прямой вопрос об участии Н. А. Невского в работе над словарем он отвечал, что изданный словарь ничего общего не имеет со словарем, над которым велась работа в Ленинграде.

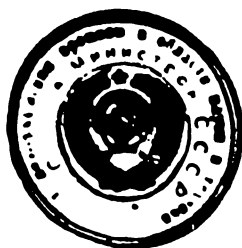
⁴ Об Н. И. Конраде подробнее см.: Алпатов В. М. Николай Иосифович Конрад. К столетию со дня рождения // Восток. 1991. № 2. С. 69—83; Джарылгашинова Р. Ш. Н. И. Конрад — исследователь этнографии Кореи: (к 100-летию со дня рождения ученого) // Советская этнография. 1991. № 5. С. 57—69.

⁵ Невский Н. А. Фольклор островов Мияко. М., 1978.

ПОСТАНОВЛЕНИЕМ КОМИТЕТА
ПО ЛЕНИНСКИМ ПРЕМИЯМ
В ОБЛАСТИ НАУКИ И ТЕХНИКИ
ПРИ СОВЕТЕ МИНИСТРОВ СССР
ОТ 22 АПРЕЛЯ 1962 ГОДА
ПРИСУЖДЕНА ЛЕНИНСКАЯ ПРЕМИЯ

*НЕВСКОМУ Николаю Александровичу, доктору
филологических наук, — за научный труд „Тангут-
ский филологич.“, опубликованный в 1960 году.*

Председатель Комитета
по Ленинским премиям в области
науки и техники
при Совете Министров СССР

Ученый секретарь Комитета
по Ленинским премиям в области
науки и техники
при Совете Министров СССР

1962

Н. ВЛАДИМИРОВ

Н. АРШАВИН

ру или по его просьбе отправляются к родителям понравившейся девушки и сообщают им о цели своего визита. Если последние согласны, то молодые получают право на регулярные связи. После наступления беременности девушка переходит в дом мужа, но в случае несхожести характеров молодой человек прекращает ночные посещения и девушка считается свободной для нового выбора. Если же молодая спустя какое-то время после совместного проживания в доме мужа уходила от него к своим родителям, то такой мужчина считался потерявшим свое лицо и за него не отдавали больше своих дочерей. Тогда у него оставался единственный выход — уйти из своего селения куда-нибудь на сторону. Покинувшая же его первая жена может свободно вновь выйти замуж. Н. А. Невский подробнейшим образом фиксировал локальные варианты семейно-брачных связей на островах Мияко. Вообще надо подчеркнуть, что при изучении любой проблемы Н. А. особенно четко и последовательно изучал локальную специфику языка ли, верований ли и других явлений.

Как уже отмечалось выше, Н. А. с помощью А. И. Иванова, щедро поделившегося со своим учеником материалами, много и плодотворно занимался тангутоведением. Об этом написано немало¹. Если А. И. Иванова мы по праву считаем пионером отечественного тангутоведения, то ученым, внесшим наиболее фундаментальный вклад в разработку проблемы, несомненно, является Н. А. Невский. Уже в 1926—1927 гг. он опубликовал в Японии на английском и японском языках свои первые исследования по тангутоведению. На родине собрание его трудов по этой теме было опубликовано посмертно в 1960 г. и, как отмечалось, было отмечено в 1962 г. самой престижной в то время научной премией — Ленинской².

Как китаевед — ученик В. М. Алексеева Н. А. Невский живо интересовался изучением этнографии народов Китая. В частности, летом 1927 г. он совершил поездку на о-в Тайвань, где собирал фольклорно-этнографический материал у племени цоу. Как понятно, выбор объекта исследования преследовал важные научные цели. Конечно, он стремился зафиксировать и сделать достоянием науки материал по языку, фольклору и этнографии одного из таинственных племен аборигенов о-ва Тайвань. Но, очевидно, будет правильным, если мы поставим поездку Н. А. в один ряд с предыдущими его изысканиями по айнам на о-ве Хоккайдо, по языку и фольклору жителей островов Мияко, по японской диалектологии и этнографии... Можно предполагать, что на о-ве Тайвань он стремился найти ответы на многие волновавшие его вопросы этнокультурной истории жителей Японского архипелага — японцев, айнов, рюкюсцев, вскрыть глубинные связи их языков и культур... Как показал Н. А., самоназвание племени цоу родственно слову «тау», которое у индонезийских народов означает «человек». Такой же этноним «тау» у тайваньских аборигенов канобу и ами, а у пайван — таутау³. Погода в горных районах Тайваня, где работал Н. А., выдалась в то лето исключительно дождливой, и это способствовало сидению на месте и записы-

¹ Подробнее см.: Кычанов Е. И. Звучат лишь письмена; Громковская Л. Л., Кычанов Е. И. Указ. соч.

² Невский Н. А. Тангутская филология: Исследования и словарь в двух книгах. М., 1960. Т. 1—2.; Сердюченко Г. Возрождение «Мертвого города» // Азия и Африка сегодня. 1962. № 7. С. 43—44.

³ Невский Н. А. Материалы по говорам языка цоу // Труды Института востоковедения. Т. 11. М.; Л., 1935. С. 4.

ванию фольклорных и языковых материалов. Его информатор Воны — уроженец селения Тфуя, цоу по национальности, хорошо говорил по-японски, что обеспечивало прямой контакт между ученым и информатором. Воны знал множество преданий своего народа, а в каждом из них содержался ценнейший этнографический материал. В них рассказывалось об обычаях охоты за головами, о представлениях о душе, о пантеоне богов, о похоронных обрядах, о способах охоты и рыбной ловли, выделения вина посредством жевания злаков, о брачных обрядах, системе родства, о социальной структуре племени цоу... Одновременно Н. А. составлял словарь языка цоу¹. Эта работа о цоу получила высокую оценку специалистов².

На Тайване Н. А. Невский собрал ценную этнографическую коллекцию по культуре цоу, которая ныне является украшением китайского этнографического собрания Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого³.

Познания Н. А. Невского в области синологии были глубоки и разносторонни. Он владел китайским языком, был большим знатоком китайской культуры. Это дало право В. М. Алексееву написать такие слова: «Руководство новыми для Эрмитажа собраниями по тангутско-китайскому искусству могло быть поручено только ему» (Н. А. Невскому. — А. Р.)⁴.

Н. А. Невский, оставаясь в Японии в течение 1915—1929 гг., поддерживал связь с родиной. Он переписывался с В. М. Алексеевым, А. И. Ивановым, Н. И. Конрадом, С. Ф. Ольденбургем, С. М. Широкогоровым, Л. Я. Штернбергом и другими востоковедами старшего и своего поколений, встречался с коллегами, приезжавшими в Японию, — А. Е. Глускиной, Е. М. Колпакчи, Ю. К. Шуцким и другими. В 1925 г. побывал в Пекине, где общался со своим учителем проф. А. И. Ивановым. В ноябре 1926 г. в Японии проходил III Всетихоокеанский научный конгресс, в работе которого принимал участие и маститый советский этнограф Л. Я. Штернберг. Делясь впечатлениями о конгрессе, Л. Я. Штернберг позднее писал: «И я лично с чрезвычайной признательностью вспоминаю свои беседы с <...> профессором Янагида и русским японистом, давно живущим в стране, профессором Невским, специально занимающимися шаманством, первый в северной Японии, второй, кроме того, — еще на островах Лиу-Киу (Рюкю. — А. Р.). Для меня сообщенное ими было настоящим откровением. В литературе, в том числе и японской, их материалы еще не опубликованы»⁵. Эта встреча открывала большие возможности для научного сотрудничества Л. Я. и Н. А. В Архиве РАН в Петербурге сохранилось письмо Н. А. Невского Л. Я. Штернбергу от 4 июля 1927 г., которое до сих пор остается неопубликованным. По своему характеру оно является статьей, материал которой не устарел и сейчас, а потому мы подготовили это письмо к печати. Можно предполагать, что это письмо осталось без ответа: Л. Я. Штернберг скоропостижно скончался 14 августа 1927 г.

¹ Невский Н. А. Материалы по говорам языка цоу: Словарь диалекта северных цоу. М., 1981.

² Громковская Л. Л., Кычанов Е. И. Указ. соч. С. 129.

³ Опись № 4089, поступила в 1929 г. Регистрировала А. Е. Глускина, перерегистрировал А. А. Свиридов. См.: Решетов А. М. История формирования коллекций. С. 105.

⁴ Алексеев В. М. Указ. соч. С. 87.

⁵ Штернберг Л. Я. Этнография на III Тихоокеанском научном конгрессе в Токио в ноябре 1926 г. // Этнография. 1927. № 2. С. 330.

В 1922 г. была предпринята попытка пригласить Н. А. Невского для работы на кафедре японской филологии. В мае с заявлением по этому поводу обратился в университет В. М. Алексеев, рекомендуя избрать на вакантную должность преподавателя Н. А. Невского. «Зная его как даровитейшего из своих учеников по университету и слыша о нем отзывы компетентнейших лиц (С. Г. Елисеева, О. О. Розенберга и др.), уверен, что приглашение его занять место преподавателя японской филологии в Университете будет адресовано безошибочно»¹. 20 июня 1922 г. от имени Петроградского университета Н. А. Невскому как преподавателю Петроградского университета было направлено в Японию следующее уведомление: «Правление Петроградского Государственного Университета извещает, что Вы избраны факультетом общественных наук... и утверждены в должности преподавателя этнолого-лингвистического отделения факультета общественных наук сего Университета по кафедре японской филологии»².

Однако по целому ряду причин тогда приезд Н. А. Невского не состоялся. Он вернулся на родину только в 1929 г. во многом благодаря приглашениям, уговорам и хлопотам Н. И. Конрада и В. М. Алексеева³. В том же году он приступил к преподавательской деятельности в ЛГУ и Ленинградском Восточном институте, в 1930 г. был зачислен на работу в Институт востоковедения АН СССР научным сотрудником, а в 1934 г. — еще и в Эрмитаж. В 1934 г. по инициативе группы академиков Н. А. Невский был выдвинут для избрания в АН СССР. В проекте «Записки» в АН по этому поводу В. М. Алексеев, в частности, писал: «Этнографические исследования, основание которым было положено его (Н. А. Невского. — А. Р.) общением с известным нашим оригинальным и широким этнографом Л. Я. Штернбергом (ему Николай Александрович посвятил прочувствованный некролог на японском языке), полны открытий, например этюд о "мертвой и живой воде" на японо-рюкюской почве; этюд о заклинании (на полях) животных, обновивший вопрос данными личного наблюдения этого обряда на полях Формозы; этюд о магических фигурах из соломы, также датированный личным наблюдением; этюд, опровергающий принятое толкование танца "сисямай" как танца "льва" и возводящий этот танец в древнюю концепцию оленя, и т. д. Но главным его достижением в этой области является собрание материалов по фольклору и языку айнов — достижение, признанное японскими учеными, приглашавшими Н. А. Невского читать лекции по этому предмету в Киотоском университете. Огромный, отлично отработанный материал этот вместе со столь многими другими ждет только печатания.

Как видно из предыдущего, этнографические работы Н. А. Невского выведены им из нового материала, собранного предприимчивым ученым-лингвистом. И действительно, Николай Александрович является таковым и в области японской фонетики, и в области не исследованных до него диалектов (острова Мияко, Рюкю, Формоза)...»⁴

¹ ЦГИА. Ф. 14. Оп. 1. Ед. хр. 11015. Л. 48.

² Там же. Л. 49.

³ Алпатов В. М. Указ. соч. С. 72; Громковская Л. Л. Страницы биографии ученого. С. 145. Жена с дочерью Еленой приехали к нему в 1933 г.

⁴ Алексеев В. М. Указ. соч. С. 86—87. Конечно, круг научных проблем, которыми занимался Н. А., был довольно обширен. На нем сказались отчасти и веяние времени. См., например, работу: Невский Н. А. От «Московии» к

Мы выбрали специально ту часть отзыва, в которой говорится о больших заслугах Н. А. Невского именно в области этнографии¹. Время — лучший судья для определения научной значимости ученого. И оно сегодня подтверждает оценку трудов Н. А. Невского на ниве этнографии, данную В. М. Алексеевым, объективно свидетельствуя об исключительной ценности этнографических работ ученого, о его деятельном участии в развитии японской и советской этнографии.

Еще будучи официально стажером, Н. А. Невский в 1918 г. опубликовал в Японии на японском языке в этнографическом журнале «Додзоку то дэн-сэцу» свои первые статьи: «Пользование кровью животных в сельскохозяйственном ритуале», «Магическая фигура из Тонэ» и «Песни при исполнении танца "сисимаи" из провинции Сагами». Всего до 1929 г. Нэфусуки Никора (Невский Николай) опубликовал там около десятка статей. В 1971 г. в Токио вышла его книга «Цуки то фуси» («Луна и бессмертие», в которой японский ученый Ока Масао собрал все ранее публиковавшиеся в японских этнографических журналах статьи Н. А. Невского и неопубликованные рукописи, хранившиеся в архиве Библиотеки Тэнри. Значит, и спустя 40—50 лет после их написания они сохраняли актуальность для японской науки. О значении этнографических работ Н. А. Невского писали такие крупные ученые, как проф. Янагита Кунио, проф. Такахаси Моритака, тангустовед проф. Окадзаки Сейро и другие. Исида Эйитиро на титуле своей монографии «Мать Момотаро. Опыт исторического исследования одной культуры», изданной в Токио в 1971 г., написал: «Моему учителю Николаю Невскому». Этнограф проф. Като Кюдзо писал о жизни и научной деятельности Н. А. в своих книгах «Небесная змея. Жизнь Николая Невского» и «На перекрестках путей Евразии»².

Большим почетом окружено имя Н. А. Невского и на родине. После его реабилитации в 1957 г.³ началась активная работа по изучению и публикации его научного наследия. Большой творческий коллектив подготовил и издал в 1960 г. два тома «Тангутской филологии». Особо следует оценить научный подвиг Л. Л. Громковской, подготовившей к печати «Айнский фольклор», «Фольклор островов Мияко», «Материалы по говорам языка цоу. Словарь диалекта северных цоу» и упорно продолжающей эту работу. Ею и Е. И. Кычановым написаны книги о жизни и научной деятельности Н. А. Невского⁴. Работы Н. А. Невского и сегодня привлекают внимание исследователей проблем японской, тихоокеанской и общей этнографии. Они по-прежнему сохраняют свое значение как своими выводами, так и уникальным, лично собранным и введенным в науку материалом. И сегодня такие проблемы, как исследование этнографии японцев, айнов, рюкюсцев, цоу, тангутов, не могут решаться плодотворно без учета работ Н. А. Невского.

СССР // Записки Института востоковедения АН СССР. Т. 5. М.; Л., 1936. С. 43—53.

¹ Попутно заметим, что В. М. Алексеев сам был крупным этнографом. Об этом см.: Решетов А. М. Этнография в кругу научных интересов В. М. Алексеева // Традиционная культура Китая. М., 1983. С. 81—91.

² Об этом см.: Громковская Л. Л., Кычанов Е. И. Указ. соч. С. 92, 120, 158, 212—214.

³ Репрессированное востоковедение // Народы Азии и Африки. 1990. № 5. С. 98.

⁴ Кычанов Е. И. Звучат лишь письма. М., 1965; Громковская Л. Л., Кычанов Е. И. Николай Александрович Невский. М., 1978.

Мы выбрали специально ту часть отзыва, в которой говорится о больших заслугах Н. А. Невского именно в области этнографии¹. Время — лучший судья для определения научной значимости ученого. И оно сегодня подтверждает оценку трудов Н. А. Невского на ниве этнографии, данную В. М. Алексеевым, объективно свидетельствуя об исключительной ценности этнографических работ ученого, о его деятельном участии в развитии японской и советской этнографии.

Еще будучи официально стажером, Н. А. Невский в 1918 г. опубликовал в Японии на японском языке в этнографическом журнале «Додзоку то дэн-сэцу» свои первые статьи: «Пользование кровью животных в сельскохозяйственном ритуале», «Магическая фигура из Тонэ» и «Песни при исполнении танца "сисимаи" из провинции Сагами». Всего до 1929 г. Нэфусуки Никора (Невский Николай) опубликовал там около десятка статей. В 1971 г. в Токио вышла его книга «Цуки то фуси» («Луна и бессмертие», в которой японский ученый Ока Масао собрал все ранее публиковавшиеся в японских этнографических журналах статьи Н. А. Невского и неопубликованные рукописи, хранившиеся в архиве Библиотеки Тэнри. Значит, и спустя 40–50 лет после их написания они сохраняли актуальность для японской науки. О значении этнографических работ Н. А. Невского писали такие крупные ученые, как проф. Янагита Куньо, проф. Такахаси Моритака, тангутовед проф. Окадзаки Сейро и другие. Исида Эйитиро на титуле своей монографии «Мать Момотаро. Опыт исторического исследования одной культуры», изданной в Токио в 1971 г., написал: «Моему учителю Николаю Невскому». Этнограф проф. Като Кюдзо писал о жизни и научной деятельности Н. А. в своих книгах «Небесная змея. Жизнь Николая Невского» и «На перекрестках путей Евразии»².

Большим почетом окружено имя Н. А. Невского и на родине. После его реабилитации в 1957 г.³ началась активная работа по изучению и публикации его научного наследия. Большой творческий коллектив подготовил и издал в 1960 г. два тома «Тангутской филологии». Особо следует оценить научный подвиг Л. Л. Громковской, подготовившей к печати «Айнский фольклор», «Фольклор островов Мияко», «Материалы по говорам языка цоу. Словарь диалекта северных цоу» и упорно продолжающей эту работу. Ею и Е. И. Кычановым написаны книги о жизни и научной деятельности Н. А. Невского⁴. Работы Н. А. Невского и сегодня привлекают внимание исследователей проблем японской, тихоокеанской и общей этнографии. Они по-прежнему сохраняют свое значение как своими выводами, так и уникальным, лично собранным и введенным в науку материалом. И сегодня такие проблемы, как исследование этнографии японцев, айнов, рюкюсцев, цоу, тангутов, не могут решаться плодотворно без учета работ Н. А. Невского.

В феврале — марте 1992 г. во многих научных центрах прошли заседания, посвященные 100-летию со дня рождения выдающегося востоковеда Николая Александровича Невского. В Москве и Петербурге состоялись собрания уче-

¹ Попутно заметим, что В. М. Алексеев сам был крупным этнографом. Об этом см.: Решетов А. М. Этнография в кругу научных интересов В. М. Алексеева // Традиционная культура Китая. М., 1983. С. 81–91.

² Об этом см.: Громковская Л. Л., Кычанов Е. И. Указ. соч. С. 92, 120, 158, 212–214.

³ Репрессированное востоковедение // Народы Азии и Африки. 1990. № 5. С. 98.

⁴ Кычанов Е. И. Звучат лишь письма. М., 1965; Громковская Л. Л., Кычанов Е. И. Николай Александрович Невский. М., 1978.

ных советов, на которых прочитаны были доклады о значении работ юбилера для науки. Примечательно, что в них принял участие специально прибывший со своей супругой японский этнограф проф. Като Кюдзо. И это не случайно: ведь мировая научная общественность отмечала юбилей японского и русского ученого Нэфусуки Никора — Николая Александровича Невского.

Письмо Н. А. Невского Л. Я. Штернбергу¹

4 июля 1927

Осака

Многоуважаемый Лев Яковлевич!

Простите, ради Бога, за столь долгое молчание, которое объясняется исключительно тем, что был очень занят с новыми первокурсниками².

Страшно Вам благодарен и признателен за отдельные оттиски Ваших статей, которые получил уже давно, и за целую посылку с массой интересных книг, которую получил несколько дней тому назад.

Ваши статьи и работы для меня были наиболее ценны, т[ак] к[ак] они открывают глаза на многие явления японской этнографии. Особенно интересны были работы о двойниках и о divine election³. Между прочим, эту статью на днях собираюсь переслать Янагита⁴,

¹ С.-Петербургский филиал Архива РАН. Архив Л. Я. Штернберга. Ф. 282. Оп. 2. Ед. хр. 211. Л. 1—6. Подробнее о нем см.: Памяти Л. Я. Штернберга. Л., 1930; Гаген-Торн Н. И. Лев Яковлевич Штернберг. М., 1975. Публикация письма, комментарии: А. М. Решетов.

² Эта фраза дает основание предполагать, что между Л. Я. Штернбергом и Н. А. Невским существовала переписка, которая, к сожалению, не сохранилась. Как можно увидеть из фактов, изложенных ниже, Л. Я. Штернберг послал Н. А. Невскому, в частности, работы, вышедшие уже в 1927 г. и, очевидно, тут же отправленные им в Японию. И если Н. А. Невский спустя некоторое время после их получения, 4 июля извиняется «за столь долгое молчание», то можно думать, что переписка между ними была всегда довольно активной. В связи с этим хочется обратить особое внимание на то, что среди посланных в Японию работ была статья Л. Я. Штернберга «Избранничество в религии», напечатанная в журнале уже в траурной рамке (Л. Я. Штернберг умер 14 августа 1927 г., о чем также сообщается в том же первом номере журнала «Этнография»). Тогда не исключено, что статья была послана в рукописи или был послан экземпляр корректуры.

³ Речь идет о работах: Штернберг Л. Я. Античный культ близнецов при свете этнографии // Сб. МАЭ. Т. 3. Пг., 1916. С. 133—189; Он же. Культ близнецов в Китае и индийские влияния // Сб. МАЭ. Т. 6. Л., 1927. С. 1—18; Он же. Избранничество в религии // Этнография. 1927. № 1. С. 1—56.

⁴ Янагита Кунио (1875—1962) — один из основателей японской этнографической науки. При его активном участии в 1934 г. было учреждено Японское этнографическое общество, в 1935 г. — Общество фольклорных исследований, в 1936 г. — этнографический журнал. Как исследователь К. Янагита много внимания уделил изучению этнографии Рюкю и островов Южных морей, считая, что там сохранились многие архаические черты культуры и социальной орга-

хотя отдать ее ему, несмотря на Ваше распоряжение, не хочется — очень уж она хороша. (Может быть, найдется еще один экземпляр?) Постараюсь что-нибудь сделать, чтобы японское общество узнало об этих двух статьях. «Культ близнецов» верну обратно, как только получу обещанный Вами номер, где она помещена. К «Divine election» замечу здесь пока, что на рюкюских островах говорят, что муж шаманки-жрицы (там мужчин-шаманов почти нет) недолговечен. До прочтения Вашей статьи я никак не мог объяснить себе этого заявления, которое мне приходилось слышать неоднократно. Теперь же я это объясняю ревностью более сильного второго мужа-духа. Когда снова попаду на острова, направлю исследования в этом направлении. Относительно рюкюского шаманства напишу для Вас отдельную статью, равно как и общую статью об айнском фольклоре¹.

Что касается культа орла², то, я думаю, можно что-нибудь откопать в этом отношении и в Японии, хотя в настоящее время такого явно выраженного культа, насколько мне известно, в самой Японии нет. Приведу ниже одну из весьма популярных народных песен островов Яэяма (в архипелаге Рёккё), которую можно, пожалуй, считать результатом некогда, вероятно, существовавшего культа орла на этих островах. Песня эта носит название «Басынутурыбусы», т. е. «Песнь про птицу орла». Эта песня весьма популярна на вышеназванных островах и постоянно распевается под аккомпанемент трехструнного саңсиң'а и даже сопровождается танцами. Автором данной песни является некий чиновник Угими Синти (1797—1850), поло-

низации, исследование которых может помочь лучше понять историческое прошлое японцев. Рюкю он рассматривал как мост, через который древние племена, носители рисоводческой культуры, переселились из прибрежных районов Юго-Восточного Китая на Японские острова. С целью комплексного исследования проблемы он создал «Дискуссионный кружок Южных островов» («Нанто данва кай»), в работе которого приняли участие многие ведущие и молодые этнографы и фольклористы страны. К. Янагита был одним из первых исследователей традиционных форм брака, культа предков, древнейших ритуальных корней синтоизма и т. д. Важнейшие работы Янагита Кунио: Тонно моногатори (Собрание мифов г. Тонно). Токио, 1907; Кайнан сёки (Записки о Южных морях). Токио, 1925; Мукоири Ко (Заметки о приймачестве). Токио, 1929; Имото но тикара (Могущество сестры). Токио, 1940; Окинава бунку сосэцу (Очерки культуры Рюкю). Токио, 1947; Кайдзю но мити (Морские пути). Токио, 1961. (Все на японском языке.) Н. А. Невский очень рано познакомился с К. Янагита, их связывала большая личная и творческая дружба. Значению работ Н. А. Невского японский мэтр посвятил одну из своих статей. Об этом см.: Громковская Л. Л., Кычанов Е. И. Николай Александрович Невский. С. 48—49, 57, 212. С Н. А. Невским и К. Янагита встречался и неоднократно беседовал Л. Я. Штернберг во время своего пребывания в Японии. Подробнее см.: Штернберг Л. Я. Этнография на III Тихоокеанском конгрессе в Токио в ноябре 1926 г. // Этнография. 1927. № 2. С. 330.

¹ Очевидно, названная статья о рюкюском шаманстве написана не была. Об айнском фольклоре см.: Невский Н. А. Вступительная статья к айнскому фольклору // Литература Китая и Японии. 1. М., 1936. С. 405—428; Он же. Айнский фольклор. М., 1972.

² Н. А. Невский, очевидно, ознакомился со статьей Л. Я. Штернберга «Культ орла у сибирских народов» (Сб. МАЭ. Т. 5. Вып. 2. Л., 1925. С. 117—140).

живший в основу ее уже существовавшую до него «Басынујунта» («Песнь про Орла») почти того же содержания. Автором последней была некая Накама Сакаи (1713—1813). Не имея данных, трудно сказать, кто была эта женщина, но можно предположить, не была ли она жрицей-шаманкой, так как последние все обладают поэтическим талантом и даром импровизации. Приведу ниже текст в русской транскрипции и перевод.

Басынутурыбусы

Уфуакōну нідзасыні
 наріакōну мутубайні
 іцыну јуда фумінубурі
 нанану јуда фумі нубурі
 њыту-піраі сы-ба какі
 нана-піраі сы-ба какі
 њыту-піраі куга насі
 нана-піраі куга насі
 њыту піраі куга-кара
 нана піраі куга-кара
 аіабаніба мараѿорі
 бірубаніба сыдаѿорі
 ѿонгшадзыну сѣтумуді
 гшанііцыну асапана
 агарыкаі тубіѿікі
 тідаба-гамі маіѿікі
 іра саніса к̄у ну п̄ы
 дук̄ы саніса куганібы
 баң сыдіру к̄у дара
 пані муіру такі дара
 к̄у јушай ѿураба
 аѿа (= аѿа) фукуі ѿураба

Песнь про птицу орла

На корнях воздушных громадного фикуса,
 На стволе ползучем плодоносного фикуса,
 (Орел) на одну ветвь ступил-взошел,
 На семь ветвей ступил-взошел,
 Повесил одно (букв.: одну штуку) гнездо,
 Повесил семь штук гнезд,
 Яйцо, одну штуку, снес,
 Яиц семь штук снес,
 Из одного того яйца,
 Из семи тех яиц
 Узорчатокрылых родил,
 Бархатнокрылых произвел.
 На заре месяца первого (= Нового года),
 На рассвете дня первого
 На восток улетели,

К самому солнцу воспарили.
 О, сколь радостен сегодняшний день!
 Страшно радостен день золотой!
 Словно сегодня я (на свет) появился,
 Как будто бы выросли крылья!
 Как сегодня буду праздновать!
 Как завтра буду веселиться!

Последние шесть строк, по-видимому, позднейшее добавление. Они самостоятельно развиты в «Новогодней песне», записанной мною на острове Тарама (группы Мияко), в которой об орле нет ни звука. В вышеназванной «Басынујунта» этих строк тоже нет. На островах Мияко с культом орла встречаться не приходилось, но если существование его подтвердится для Яэяма, то можно будет допустить, что он был и на Мияко. В октябре перелетный коршун стаями заполняет острова Мияко, дети с песнями устраивают особые ловушки на вершинах деревьев и песнями подзывают коршунов. Изловленных птиц употребляют в пищу; но в семьях, где кто-нибудь уехал на другой остров — в Окинава (собственно Рёкю) или в Японию, — употребление коршунов в пищу является строгим табу, нарушение которого, как говорят, непременно принесет несчастье отсутствующему.

Переходя теперь к статье Вашей об айнских инау¹ и соглашаясь со всеми Вашими взглядами и интерпретацией данного явления как такового, не могу согласиться с этимологией *инау-нау* < ни «дерево» + *ау* «язык».

Судя по Вашей статье, Вы понимаете слово *ау* (точнее, *һау*) в смысле «языка» как органа речи, тогда как *һау*, собственно, значит «голос, говор, говорение»². Не лучше ли этимологизировать *инау* как комплекс, состоящий из слов *ину* «выслушивать» (усиленная форма от *ну* «слушать») + *һау* «говорение», «говорящий» (ср. *һаһе-ан* «быть говорящим», «иметь голос», «говорить») и т[аким] образом переводить данное слово как «выслушивающий (слова и просьбы людей) и говорящий (об этом богам)», что вполне соответствует выясненной Вами природе *инау*.

Шестого числа последний раз иду в школу в этом триместре. С седьмого начинаются каникулы. 14-го числа собираюсь ехать на Формозу, где думаю посетить племя Цō (одно из племен аборигенов Формозы)³. В благодарность за высланные книги постараюсь приоб-

¹ Имеется в виду статья Л. Я. Штернберга «Культ инау у племени айну» // Ежегодник Русского антропологического общества при СПб Университете. Т. 1. Ч. 4. СПб., 1905. С. 289–308.

² Язык как орган речи будет *царō* или *нарō*. (Примечание Н. А. Невского.)

³ Летом 1927 г. Н. А. Невский совершил поездку на о-в Формоза (Тайвань) с целью изучения этнографии племени цоу. Хотя Н. А. говорил о себе как о «лингвисте по преимуществу», он был по-настоящему высокообразованным, опытным этнографом-полевиком. Результатом его поездки явилась книга: Невский Н. А. Материалы по говорам языка цоу; Он же. Материалы по говорам языка цоу: Словарь диалекта северных цоу. Эти работы много шире по

рести каких-нибудь вещей для Музея¹. Устройте мне только возможность переправить их Вам.

Вашу статью относительно гиляцкого языка² пересылаю одному приятелю с просьбой перевести. Дело в том, что директор нашей школы г-н Наканомэ лет 10 тому назад выпустил на японском языке краткую грамматику гиляцкого языка (главным образом на основании работ Грубэ и отчасти своих исследований). Книжка — дрянь. Я ему много раз указывал на Ваши работы, но он на мои указания не обращал внимания и недавно выпустил свою «грамматику» в немецком переводе (непременно перешлю Вам, чтобы могли хоть немного посмеяться)³. Чтобы показать несостоятельность его работы, я и решил просить одного приятеля перевести Вашу работу.

Почему Вы не прислали статьи Ёхельсона⁴ (вроде Вашей и Богораза)⁵, объясняющей фонетику и морфологию юкагирского языка? (или такого не имеется?)

Хотелось бы получить весь сборник (Известий Этногр. Музея), посвященный Радлову, а не только вторую часть⁶.

Пришлите еще книг! За всякую присланную брошюру или книгу буду страшно благодарен.

Ну пока, всего, всего лучшего!

О поездке на Формозу сообщу, вернувшись в Осаку.

охвату материала, и права Л. Л. Громковская, предлагая назвать их «Материалы по фольклору и говорам языка цоу». См.: Громковская Л. Л. От составителя // *Невский Н. А. Материалы*. С. 4.

¹ В МАЭ хранится коллекция № 4089, поступившая в 1929 г. в дар от Н. А. Невского. Число предметов — 51, однако некоторые предметы при перерегистрации не обнаружены. Регистрировала А. Е. Глускина, в 1979 г. перерегистрировал А. А. Свиридов.

² Штернберг Л. Я. является автором двух работ по гиляцкому языку: 1) Образцы материалов по изучению гиляцкого языка и фольклора, собранные на о-ве Сахалин и в низовьях Амура // *Известия АН*. Т. 13. № 4. СПб., 1900. С. 387—434; 2) Материалы по изучению гиляцкого языка и фольклора. Т. 1. Ч. 1. СПб., 1908.

³ Речь идет о Наканомэ Акира. Его работу о гиляцком языке см.: *Nakanome Akira. Grammatik der Nikbun Sprache* // *Research Review*. Vol. 5. Osaka, 1927. Благодарю Е. Ю. Груздеву за библиографическую справку.

⁴ Иохельсон В. И. (1855—1943) — русский этнограф и языковед, исследователь народов Крайнего Севера. Очевидно, Н. А. Невский имеет в виду работу В. И. Иохельсона «Материалы по изучению юкагирского языка и фольклора, собранные в Колымском округе В. И. Иохельсоном: Ч. 1. Образцы народной словесности юкагиров: (Тексты с переводом)». СПб., 1900. О нем см.: Шавров К. Б. Владимир Ильич Иохельсон // *Советская этнография*. 1935. № 2. С. 3—15.

⁵ Богораз В. Г. (1865—1936) — советский этнограф, языковед, фольклорист, писатель. Как лингвист занимался изучением языка эскимосов, чукчей, дагуров. Трудно сказать, какую работу В. Г. Богораза имеет в виду Н. А. Невский. См.: Памяти В. Г. Богораза / Сб. ст. М.; Л., 1937; Кулешова Н. Ф. В. Г. Богораз: Жизнь и творчество. Минск, 1975.

⁶ Н. А. Невский просит прислать следующие издания: Ко дню 80-летия академика Василия Васильевича Радлова (1837—1917) // Сб. МАЭ. Т. 5. Вып. 1. Пг., 1918; Т. 5. Вып. 2. Л., 1925.

Привет В. М. Алексееву¹, Ольденбургу², Конраду³ и вообще всем, кто меня знает и помнит!

Всегда Ваш Н. Невский

Конверт

На нем чернилами (черными) написано: «Получ. 30. VII-27».

Адрес: Professor L. J. Sternberg

Academy of Sciences

B. O. Leningrad USSR

Sender: N. A. Nevsky

Osaca Foreign Language School

Osaca Japan

¹ Алексеев В. М. (1881–1951) — академик, синолог, один из учителей Н. А. Невского по китайскому языку и этнографии. Состоял в переписке и дружбе с Н. А. Невским. О В. М. Алексееве см.: Литература и культура Китая. М., 1972; Традиционная культура Китая. М., 1983.

² Ольденбург С. Ф. (1863–1934) — неперенный секретарь РАН, позднее — АН СССР, академик, востоковед. Состоял в переписке с Н. А. Невским. О С. Ф. Ольденбурге см.: Сергей Федорович Ольденбург. М., 1986.

³ Конрад Н. И. (1891–1970) — коллега Н. А. Невского, позднее академик, востоковед. В 1914–1917 гг. был командирован в Японию с целью подготовки к профессорскому званию, где постоянно встречался с Н. А. Невским. Позднее находился с ним в переписке и много способствовал его возвращению в 1929 г. на родину, о чем позднее, после гибели Н. А. Невского, искренне сожалел. О Н. И. Конраде подробнее см.: Алпатов В. М. Николай Иосифович Конрад: К столетию со дня рождения; Джарылгасинова Р. Ш. Н. И. Конрад — исследователь этнографии Кореи: (К 100-летию со дня рождения ученого).